ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 2014

© 2014 г. С.Ю. ТОЛДОВА, Н.В. СЕРДОБОЛЬСКАЯ

ГЛАГОЛ РЕЧИ *MANAŠ* В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ*

Настоящая работа посвящена грамматикализации глагола речи *manaš* ('говорить', 'называть') в лугово-восточном марийском языке. Деепричастие данного глагола (*manən*) употребляется десемантизированно в функции подчинительного союза; при этом оно теряет синтаксические свойства исходного глагола. В современном языке можно наблюдать различные стадии грамматикализации данного показателя: в ряде контекстов оно функционирует как цитатив, в других контекстах – как подчинительный союз. Мы выделяем два пути грамматикализации данного показателя: первый наблюдается в контексте глаголов речи, ментальных и эмотивных глаголов, второй в контексте (речевой) каузации и потенциальной ситуации (в актантных предложениях) и в обстоятельственных предложениях цели и причины. Аргументы за такой анализ основаны на следующем: ограничения на кодирование зависимого предиката (допустимость нефинитных клауз), выбор стратегии оформления актантов зависимого предиката [анафорическое vs. дейктическое кодирование текстового («исходного» в [Aikhenvald 2008]) говорящего и слушающего] и выбор наклонения в сентенциальном актанте. Мы показываем, что в современном языке анализируемый показатель выступает в следующих функциях: цитатив, подчинительный союз в актантных и обстоятельственных предложениях, дискурсивный маркер хезитации и автокоррекции, десемантизированный подчинительный показатель для введения отрицания при инфинитиве.

Ключевые слова: сентенциальные актанты, глагол речи, марийский язык, полипредикация, анафора, дейксис, инфинитив, союз, комплементайзер, цитатив, грамматикализация

This paper focuses on the paths of grammaticalization of the verb of speech *manaš* ('say', 'name') in Eastern Mari. The converb of this verb (*manən*) is desemantisized, it loses the syntactic properties of the verb of speech and shifts to the category of subordinators. Successive grammaticalization steps of this marker can be observed in Modern Mari: in some contexts it functions as a quotation marker, while in others as a subordinator. We suggest two paths of grammaticalization of this form on the basis of the given analysis: the first path involves the context of verbs of speech, mental and emotive complement-taking predicates, the second path involves the contexts of causation and potential situation (in complementation), purpose and causal adverbial clauses. The argumentation for this grammaticalization pattern is based on the constraints on subordinate predicate encoding (acceptability of non-finite clauses with *manən*), the choice of pronouns [we focus on the choice of the anaphoric vs. deictic strategy of encoding the textual («original» in [Aikhenvald 2008]) speaker and hearer] and the mood of the verb in the complement clause. We show that in Modern Mari the analyzed form can have the following functions: as a quotation marker, as a subordinator in complement and adverbial clauses, as a discourse marker of hesitation and autocorrection, and as a semantically empty subordinator that is used to express negation with the infinitive.

Keywords: complementation, verbs of speech, Mari, subordination, subordinator, complementizer, anaphora, deixis, infinitive, conjunction, grammaticalization

---

* Работа посвящена памяти А.Е. Кибрика. Основные материалы были получены в первой марийской экспедиции 2000 г. Эта экспедиция состоялась благодаря его активной поддержке и при его личном участии. Она стала первой в целой серии полевых исследований финно-угорских языков кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В инициативную группу по подготовке и проведению исследований во главе с Е.Ю. Калининой и С.Ю. Толдовой входили ученики А.Е. Кибрика, ранее принимавшие участие в его экспедициях.

1. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ГЛАГОЛОВ РЕЧИ И ОСНОВНЫЕ ПУТИ ИХ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

1.1. Глаголы речи и кодирование чужой речи: вводные замечания

Класс глаголов речи занимает особое положение в целом ряде лингвистических исследований. Глаголы данного класса имеют валентность на сентенциальный актант, представляющий собой чужую речь. Иными словами, основной сферой их употребления являются репортивные контексты, главная особенность которых – «удвоение» коммуникативной ситуации и ее участников. В связи с этим возникает проблема различения разных режимов кодирования чужой речи: прямой речи и косвенной. Вопрос о средствах кодирования прямой и косвенной речи, проблема существования промежуточных стратегий кодирования являются предметом многих теоретических и типологических исследований [Coulmas 1986, Güldemann, von Roncador 2002; Aikhenvald 2004].

Основная функция глаголов речи – введение чужой речи в конструкциях с сентенциальными актантами – имплицирует еще одно свойство данного класса глаголов: они являются типологически широко распространенным источником грамматикализации (см., например, [Harris, Campbell 1995; Hopper, Traugott 2003; Lord 1976; Lehmann 2002; Saxena 1995]). В частности, от них образуются показатели эвиденциальности и показатели подчинительной связи в полипредикативных конструкциях (complementizers), например подчинительные союзы и показатели цитации.

В данной работе подробно рассматривается поведение глагола речи *manaš* 'говорить, называть' в марийском языке[1]. Деепричастная форма данного глагола грамматикализуется в функции подчинительного союза [Тимофеева 1961; Исанбаев 1961б и др.]. Материал марийского языка интересен тем, что позволяет проследить разные стадии грамматикализации. На примере марийского языка мы можем наблюдать синхронное сосуществование нескольких типов конструкций: функционирование деепричастия и других форм данного глагола как дискурсивного маркера, как цитатного показателя, вводящего чужую речь, и как подчинительного союза.

В основу настоящей статьи легли материалы полевых исследований экспедиций кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ 2000–2001 и 2004 гг. под руководством А.И. Кузнецовой. Это устные тексты и примеры, полученные в ходе опроса носителей сернурского диалекта лугового марийского языка в с. Старый Торъял. В работе также использовались материалы, собранные А.А. Ильевской [Ильевская рук.]. Примеры, взятые из текстов, помечены [Т]; примеры без помет содержат элицитированный материал.

Прежде чем перейти к анализу материала марийского языка (раздел 2), в разделе 1 мы рассмотрим более подробно, какие способы кодирования используют языки для передачи чужой речи, и проанализируем, что собой представляет грамматикализация глаголов речи в типологической перспективе. Итоги исследования подведены в разделе 3.

1.2. Особенности передачи чужой речи

1.2.1. Противопоставление прямой и косвенной речи

Как отмечалось выше, сложность интерпретации высказываний, передающих чужую речь, заключается в том, что в данном случае мы имеем «удвоение» ситуации общения: реальную ситуацию общения с реальным говорящим и слушающим и «ментальную» ситуацию общения, описываемую в данном высказывании, со своими говорящим

---

[1] Работа выполнена при поддержке грантов РНФ № 14-18-03270 и РФФИ № 13-06-00179 и 13-06-00884. Мы глубоко признательны анонимному рецензенту, предложившему рассматривать свойства *manən* исходя из выбора наклонения в зависимой предикации, а не из семантики матричного предиката.

и слушающим. Реальной ситуации общения соответствует речевой акт, содержащий сообщение о речевом акте, производимом в «ментальной» ситуации общения[2]. Двум коммуникативным ситуациям могут соответствовать два разных типа кодирования чужой речи: прямая речь (дейктические отсылки даются с точки зрения субъекта глагола речи, например *Он сказал, мол, ухожу*) vs. косвенная речь (дейктические отсылки даются с точки зрения автора текста, т. е. реального говорящего, например *Он сказал, что уходит*). Здесь и далее мы будем использовать термины «реальный говорящий / слушающий» для обозначения автора / адресата текста, «текстовый говорящий / слушающий» – для обозначения субъекта / датива главной предикации (с некоторой долей условности в том числе при неречевых глаголах).

Соответственно, возможны два разных режима интерпретации дейктических элементов: интерпретация относительно реального говорящего vs. интерпретация относительно текстового говорящего. Разные режимы интерпретации обсуждаются в работах Е.В. Падучевой (см., например, [Падучева 2001] или [Падучева 1996]). В частности, она говорит о диалогическом (речевом) режиме и гипотаксическом (синтаксическом) режиме интерпретации дейктических элементов соответственно ([Падучева 2001], цитируется по [Падучева 2009: 464]).

Прямую речь определяют обычно как точное воспроизведение речевого акта от лица текстового говорящего с сохранением всех экспрессивных и дейктических элементов. Косвенная речь представляет собой пересказ с точки зрения реального говорящего (ср. [Partee 1973; Есперсен 1958: 338]).

1.2.2. Формальные признаки прямой и косвенной речи

В исследованиях, посвященных прямой и косвенной речи, перечисляются основные признаки, отличающие прямую речь от косвенной (см., например, [Coulmas 1986; Li 1986; Подлесская 1993; Толдова 1999; Литвиненко и др. 2009]). Следующие формальные признаки можно считать базовыми для данного противопоставления:

- оформление зависимого предиката: независимое временное оформление предиката vs. зависимое (согласование времен, различные нефинитные формы, например *Он велел нам уйти*);
- наличие / отсутствие показателя подчинения, в частности цитатных частиц или подчинительных союзов (ср. союзы *that*, *чтобы*);
- выбор типа местоименных средств для кодирования текстового говорящего: дейктические местоимения (местоимения 1-го и 2-го лица соответственно) vs. анафорические местоимения (*Он сказал: «Я приду»* vs. *Он сказал, что (он) придет*);
- выбор средств кодирования места и времени ситуации (*Он сказал, мол, завтра приду* vs. *Он сказал, что придет на следующий день*);
- наличие специальных единиц, характерных для прямой речи, таких как вокативы и др. обращения, восклицания и т. п. (*Он закричал: «Ух ты! Вася, ты поедешь в Тверь?»* vs. *Он спросил, поеду ли я в Тверь*);
- наличие аппроксиматоров и других единиц, характерных для косвенной речи (*мол*, *типа*, *вроде* (*бы*) и др., ср. *Он сказал: «Наверное, приду»* vs. *Он сказал, вроде бы придет*);
- просодическое оформление чужой речи.

До недавнего времени большинство исследований исходило из дихотомического противопоставления прямой и косвенной речи. Отклонения от канонической ситуации рассматривались многими авторами как характерные для особого типа дискурса (ср. обсуждение различных способов передачи чужой речи в нарративе в [Падучева 1996]). Однако, как показывают типологические исследования конструкций с так называемыми показателями цитации, четкую границу между прямой и косвенной ре-

[2] Ср. «speech within speech» в [Якобсон 1990].

чью можно провести далеко не всегда (см., например, [Aikhenvald 2008; Толдова 1999]). Сравним следующие примеры из русского языка:

(1) а. **Он$_i$** написал в письме, **я$_i$**, **мол**, очень занят, приехать не смогу.
б. **Он$_i$** написал в письме, **он$_i$**, **мол**, очень занят, приехать не сможет.
в. **Он$_i$** написал в письме, **я$_j$**, **мол**, должен ему денег.

Во всех трех примерах частица *мол* сигнализирует о том, что происходит передача чужой речи. При этом (1а) и следующие два примера имеют различную интерпретацию с точки зрения референции местоимений. В (1а) местоимение *я* обозначает текстового говорящего, в (1б) в этой цели используется анафорическое местоимение *он*, в (1в) местоимение *я* кодирует реального говорящего, а текстовый говорящий вводится формой *ему*. Таким образом, (1а) демонстрирует «пряморечные» свойства: референт местоимения 1-го лица вычисляется исходя из «системы координат» текстового говорящего (как при прямой речи, ср. *Он написал: «Я занят»*); в (1б) и (1в) референция местоимений определяется с точки зрения реального речевого акта и реального говорящего (как при подчинительном союзе в конструкции косвенной речи, ср. *Он написал, что он занят*). Однако в (1а), как и в остальных двух примерах, можно наблюдать некоторые свойства косвенноречной конструкции: данные предложения могут быть проинтерпретированы так, что зависимая предикация передает сказанное в письме не слово в слово, а лишь основную суть. При этом просодическое оформление зависимой предикации во всех случаях может имитировать передачу чужой речи или же следовать закономерностям просодического оформления сложного предложения, см. подробнее [Литвиненко и др. 2009].

В языках мира возможна также ситуация, при которой текстовый говорящий выражен местоимением 1-го лица в зависимой предикации, а зависимый предикат выражен нефинитной формой (ср. примеры (2) и (9)):

Андийский

(2) ilu-di hit'on dijo još-i haGidija-Rod:u
мать$_i$-ERG сказать.AOR **я$_i$**.1SG дочь.2-AFF видеть.MSD-CIT
'Мать сказала, (что) дочь увидит (букв. я дочь увижу)' [Бергельсон рук.: 5].

Приведем исчисление возможных способов оформления чужой речи в русском языке с точки зрения первых трех признаков (см. таблицу 1). (Мы не рассматриваем подробно последние четыре признака из перечисленных выше. Что касается временной референции, в рассматриваемом говоре марийского языка нет эффекта так называемого согласования времен. Временная форма в зависимой предикации выбирается вне зависимости от времени в главной предикации, ср. (20) и (21б) далее. Последние три признака из перечисленных выше не рассматривались нами в марийском языке.)

Таким образом, можно видеть, что в русском языке представлены «смешанные» конструкции, которые не могут быть однозначно отнесены ни к прямой, ни к косвенной речи. Отметим, что комбинации признаков, недопустимые в русском языке, зафиксированы в других языках, например предложение, аналогичное (7), допустимо в андийском языке (2); ср. понятие «полупрямой речи» в [Aikhenvald 2008]. Подробно о проблеме сочетания различных признаков косвенной и прямой речи в русском устном дискурсе см. [Литвиненко и др. 2009].

«Удвоение» говорящего (реальный и текстовый говорящий) характерно не только для глаголов речи, но и для более широкого круга предикатов: предикатов чувств, восприятия, ментальных действий и т. п. Это так называемые модусные глаголы, или предикаты пропозициональной установки. Функции текстового говорящего переносятся на субъект такого модусного глагола – субъект сознания. Нередко при таких глаголах также допустима конструкция прямой речи, ср.: *Он подумал: «Как мне это нравится!»*. Соответственно, еще одним параметром конструкций передачи чужой речи является семантический класс главного предиката, который допускает то же оформление зависимой предикации, что и при глаголах речи, в том числе оформление с помощью конструкции прямой речи.

Таблица 1

Конституирующие грамматические признаки	Замена местоимений 1-го, 2-го лица на анафорические	Зависимая форма глагола	Наличие показателя подчинительной связи
Косвенная речь			
(3) а. *Петя сказал, что принесет книгу.*	+	+	+
б. *Петя велел Васе принести ему книгу.*	+	+	–
в. *Он принесет книгу. Он так сказал.*	+	–	–
Смешанные конструкции			
(4) *Петя$_i$ сказал, мол, он$_i$ принесет книгу.*	+	–	+
(5) *Петя$_i$ сказал, мол, я$_i$ принесу книгу.*	–	–	+
(6) *Петя$_i$ велел Васе принести мне$_i$ книгу.		+	–
(7) *Петя$_i$ договорился, чтобы мне$_i$ принесли книгу.	–	+	+
Прямая речь			
(8) а. *Петя сказал: «Я принесу книгу».* б. *Петя сказал Васе: «Принеси книгу»*	–	–	–

1.2.2.1. Цитативы vs. подчинительные союзы в языках мира

Как правило, в литературе показатели цитации и подчинительные союзы принято включать в одно множество показателей подчинительной связи. Обычно к цитативам относят показатели, «сохраняющие» конструкцию прямой речи, т. е. дейктические отсылки, экспрессивы и т. п., ср.:

Годоберинский

(9) а. ʕali-di hiL'-i w=ac̄u-qi den du-łi
Али$_i$-ERG сказать-AOR м=брат$_j$-AD **я$_{i/k}$** **ты$_j$**-DAT
hanqw'u b=iłi-łibu-L'u
дом N=строить-PTCP.FUT-CIT
'Али сказал брату, что построит ему дом / что я (реальный говорящий) построю ему дом (букв. «Али сказал брату, я, мол, тебе дом построю»)'.

б. …inš̄o hoš̄u-łi hanqw'u b=iłi-łibu-L'u
сам$_{i/k}$ он$_j$-DAT дом.ABS N=строить-PTCP.FUT-CIT
'Али сказал брату, что построит ему дом / кто-то другой построит ему дом (букв. «сам ему, мол, построит дом»)'.

В (9а) текстовый говорящий в зависимой предикации выражен местоимением 1-го лица, а текстовый слушающий – местоимением второго лица. В (9б) для обозначения текстовых говорящего и слушающего используется анафорический тип отсылки. В обоих примерах глагол оформлен нефинитной формой с показателем цитации. Нефинитные формы при цитативах характерны для многих дагестанских языков, ср. [Толдова 1999; Мерданова 2003].

Аналогично примеру (9) «пряморечная» кодировка говорящего при глаголах речи сохраняется в татарском языке в случае оформления зависимой предикации подчинительным показателем – деепричастием от глагола *dip* 'говорить':

Татарский

(10) sin_i $[\mathbf{min}_{i,*j}$ bütän kil-mi-m **di-p**$]_{ЗП}$
ты **я** в.другой.раз приходить-NEG-1SG **говорить**-CONV
ät-te-ŋ.
говорить-PRT-2SG
'Ты$_i$ сказал, что [ты$_i$ больше не придешь]$_{ЗП}$ (= Ты сказал: «Я больше не приду»);
*Ты сказал, что [я больше не приду]$_{ЗП}$' [Ханина 2006: 132].

Отличительной чертой показателей цитации является возможность использования дейктических местоимений при отсылке к текстовому говорящему. Наряду с дейктическими местоимениями возможно использование анафорических средств (9б). Подчинительные союзы, как правило, запрещают дейктический способ кодирования актантов зависимой предикации, кореферентных текстовым говорящему и слушающему. В примерах (1) дейктическая отсылка к говорящему возможна только в контексте частицы цитации *мол*. Сравним пример (1а) и (1г):

(1) г. # Он$_i$ сказал, **что я$_i$** приду.

Такие примеры широко распространены в устной речи [Литвиненко и др. 2009], однако не являются нормативными в письменном регистре.

Итак, мы определяем цитативы как показатели, не накладывающие ограничений на наличие дейктических отсылок и допускающие обе стратегии кодирования текстовых говорящего и слушающего. К подчинительным союзам мы относим единицы, требующие анафорической стратегии кодирования. Ниже мы продемонстрируем, что показатель *тапән*, находящийся в центре внимания настоящей работы, в одних конструкциях выступает как союз, в других – как цитатив.

1.3. Грамматикализация глаголов речи. Типологическая перспектива

Грамматикализации посвящено немало работ, включая [Lehmann 2002; Heine, Reh 1984; Heine, Claudi, Hünnemeyer 1991; Hopper, Traugott 2003]. Под ней понимают процесс, «в ходе которого лексические единицы и конструкции в определенных контекстах начинают выполнять грамматические функции» [Hopper, Traugott 2003: xv]. Существует множество различных подходов к трактовке этого процесса, однако обсуждение всего их многообразия не входит в цели настоящего исследования. Для нас существенным является вопрос о том, какие изменения в поведении языковой единицы ведут к утрате языковой единицей ее лексической автономности и к приобретению ею грамматических функций. Как отмечают Хайне и Ре, эти изменения являются постепенными и характеризуются следующими признаками: «языковые единицы теряют семантическую сложность, прагматическую значимость, синтаксическую свободу и фонетический материал соответственно» ([Heine, Reh 1984: 15], цит. по [Майсак 2005: 39]). Иными словами, процесс грамматикализации лексической единицы начинается с семантических изменений, в ходе которых происходит «размывание» исходного значения и расширение лексической сочетаемости. В то же время происходит утрата грамматической / синтаксической автономности данной единицы. Существенным для нашего исследования является также взгляд на грамматикализацию как на градуальный процесс, включающий

различные стадии [Heine, Claudi, Hünnemeyer 1991]. При этом в языке в один и тот же период времени могут быть представлены разные стадии грамматикализации. Наряду с грамматическими элементами, представляющими собой результат грамматикализации, в языке могут функционировать лексемы, являющиеся источником грамматикализации (см. [Lehmann 2002]), – как это происходит с марийским глаголом речи.

Глаголы речи являются широко распространенным в языках мира источником грамматикализации (см., например, [Harris, Campbell 1995; Hopper, Traugott 2003; Lord 1976; Lehmann 2002; Saxena 1995; Кононов 1953] и др.). Выделяют следующие распространенные стратегии: грамматикализация глаголов речи в показатели цитации, образование подчинительных союзов, развитие показателей эвиденциальности. Процесс перехода глаголов речи в разряд комплементайзеров рассматривается в работах [Lord 1976; Klamer 2000; Güldemann, von Roncador 2002]. Как показывают типологические исследования путей грамматикализации глаголов речи (см., например, [Heine, Kuteva 2002]), расширение функций может происходить следующим образом: некоторая форма одного из глаголов речи начинает употребляться регулярно при передаче чужой речи совместно с другим полнозначным глаголом речи, утрачивая автономность и превращаясь в показатель цитации. Сравним, например, (11а) и (11б) (см. также (9а) и (9б)):

Бесермянский диалект удмуртского языка

(11) а. anaj-ez vera-z ataj-ez-lə mone kwaret-i-z
мать-P.3SG говорить-PRT.3 отец-P.3SG-DAT я.ACC ругать-PRT-3
kuž'əj-e šuə-sa.
начальник-P.**1SG** сказать-CONV

б. anaj-ez vera-z ataj-ez-lə soje kwaret-i-z
мать-P.3SG говорить-PRT.3 отец-P.3SG-DAT этот.ACC ругать-PRT-3
kuž'əj-ez šuə-sa.
начальник-P.**3SG** **говорить**-CONV
'Мать$_i$ сказала отцу, что ее$_i$ начальник ее$_i$ отругал (букв. а. «...что мой$_i$ начальник меня$_i$ отругал»'; б. «...что ее$_i$ начальник отругал ее$_i$») [Serdobolskaya, Toldova 2011: 287].

В (11) присутствует как автономный полнозначный глагол речи *veranə*, так и деепричастная форма *šuəsa* от другого глагола речи. Если в (11а) референция к текстовому говорящему осуществляется с помощью местоимения 1-го лица и посессивный показатель на существительном *kuž'əj-e* 'начальник' также имеет форму 1-го лица (дейктический тип отсылки), то в (11б) представлен анафорический тип отсылки. Таким образом, при глаголах речи могут сохраняться свойства прямой речи (11а), хотя это и необязательно (11б). При неречевых главных предикатах чаще используется конструкция с анафорическим типом отсылки, как в (11б).

Как отмечается в [Heine, Kuteva 2002], следующим шагом в процессе грамматикализации глаголов речи является расширение контекстов употребления их форм. Они начинают использоваться при других «неречевых» глаголах, таких как ментальные, эмотивные глаголы. Постепенно они утрачивают непосредственную связь с передачей речи и преобразуются в показатель подчинения (комплементайзер). Такой путь грамматикализации засвидетельствован во многих языках мира, не связанных генетически: в тюркских языках [Кононов 1953], малайско-полинезийских [Klamer 2000], нахско-дагестанских [Daniel 2007], а также в марийском и удмуртском языках [Serdobolskaya, Toldova 2011].

Таким образом, при определении различных стадий грамматикализации глаголов речи следует учитывать следующие параметры[3]:

– наличие семантических сдвигов: размывание границ значения, расширение сферы употребления; для глаголов речи это возможность употребления форм данных глаголов в контексте «неречевых» матричных предикатов (например, эмотивных), в контексте целевых оборотов, придаточных причины и т. п.;

[3] При образовании союзов от данного класса глаголов можно говорить о «грамматикализации через стадию лексикализации» (см. [Lehmann 2002; Майсак 2005]).

– утрата грамматической и семантической автономности: наличие конструкций, в которых позиция глагола в предложении строго фиксирована, а также фиксирована форма глагола;
– возможность анафорической и невозможность дейктической отсылки к текстовому говорящему.

2. ГЛАГОЛ РЕЧИ *MANAŠ*: ПУТИ ЕГО ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

2.1. Глагол *manaš* и вопрос о подчинительном союзе в марийском языке

2.1.1. Трактовка показателя manən *в литературе по марийскому языку: деепричастие или союз*

Семантико-синтаксические свойства показателя *manən* привлекают внимание специалистов по марийскому языку. Отмечается, что из других генетически близких финно-угорских языков, случаи грамматикализации глагола речи в функции маркера подчинения засвидетельствованы лишь в удмуртском (удм. *шуыса* от *шуыны* 'сказать'), см. подробнее [Тимофеева 1961; Исанбаев 1961а; 1961б]).

При этом аналогичный процесс грамматикализации глаголов речи в маркеры подчинения широко распространен в тюркских языках. Таким образом, наличие конструкций с деепричастием от глагола речи в марийском и удмуртском языках может объясняться ареальным влиянием тюркских языков [Исанбаев 1961а: 107].

В словарях и работах, посвященных марийскому языку, деепричастие *manən* в репортивных контекстах трактуется как показатель подчинительной связи (см., например, [Галкин 1964: 180; Майтинская 1982: 87]), а также как союз со значением «что, чтобы, так как» (ср. [Современный марийский язык 1961: 75; Тимофеева 1961; Галкин 1964: 297; Коведяева 1976: 86; Васильев, Учаев 2003; Словарь марийского языка 1998: 20]). В работе Н.И. Исанбаева, посвященной, в частности, употреблению формы *manən*, указывается, что «деепричастие *манын*... обычно употребляется для передачи чужой речи и выполняет при ней функцию вводящего слова» [Исанбаев 1961а: 96]. В работе «Служебные слова в финно-угорских языках» К.Е. Майтинская следующим образом описывает образование союза: *manən* – «союз, занимающий замыкающее место в предложении-компоненте... слово, объясняющее статус чужой речи, стояло после чужой речи и сохранило это место и после преобразования в союз» [Майтинская 1982: 85, 87]. (Ср. описание удмуртского показателя *шуыса* в работе [Серебренников 1963].)

Таким образом, выделяется самостоятельный глагол речи *manaš* и союз *manən*, который оформляет зависимую предикацию в полипредикативной конструкции. Однако не все конструкции с показателем *manən* описываются в вышеприведенных терминах. На основании анализа стратегий кодирования кореферентных участников в предикации с *manən* мы покажем, что в ряде конструкций данный показатель выступает в роли цитатива. Кроме того, личные формы глагола *manaš* могут употребляться как дискурсивные частицы. Соответственно, в современном языке представлено несколько «состояний» глагола *manaš* – полнозначный глагол, дискурсивная частица, цитатный показатель и подчинительный союз.

2.1.2. Формы глагола речи manaš *в независимом предложении*

В марийском языке имеется полнозначный глагол речи *manaš* 'говорить':

(12) kugu-rak-še man-eš «təj ajda onč'al, kudo
старший-CMPR-P.3SG говорить-PRS.3SG ты давай смотреть.IMP который
omarta-že nelə-rak, tudo omarta-m nal kuč'-o»...
улей-P.3SG тяжелый-CMPR тот улей-ACC взять держать-IMP
'Старший (брат) говорит: «Ты иди посмотри, какой из ульев тяжелее, тот и возьми»' [Т].

(13) kəste urem-əšte mur-o, dokan «oj tide jü-šö jü-šö
сейчас улица-INESS петь-IMP наверное ой это пить-PTCP.ACT пить- PTCP.ACT
da mur-a» man-ət «jüšö da mur-a».
и поет-PRS.3SG сказать-PRS.3PL пить-PTCP.ACT и петь-PRS.3SG
'Сейчас попробуй-ка запеть на улице, наверное «Ой, он пьяный, пьяный, вот и поет», скажут, «пьяный, вот и поет»' [T].

В (12) глагол *manaš* является матричным предикатом, зависимая предикация оформляется как прямая речь. Глагол в зависимой предикации в повелительном наклонении, для референции к текстовому слушающему в ней используется дейктический тип кодирования, то есть местоимение 2-го лица. Главная предикация с рассматриваемым глаголом в предложениях с прямой речью может занимать любую позицию по отношению к собственно прямой речи. В (12) она предшествует прямой речи, в (13) вставлена внутрь прямой речи. Таким образом, рассматриваемый глагол выступает как полнозначный и имеет лично-числовую парадигму.

Заметим, что в самостоятельном употреблении глагол *manaš* допускает только дейктический тип кодирования:

(14) [kol-əm kuč'-aš kaj-em / *kaj-et] man-ən-at
рыба-ACC ловить-INF идти-PRS.1SG идти-PRS.2SG говорить-PRT-2SG
a ške-že diskotek-əš kaj-en-at.
a REFL-P.3SG дискотека-LAT идти-PRT-2SG
'Ты сказал, что идешь ловить рыбу, а сам пошел на дискотеку'.

В (14) субъект зависимой предикации оформляется 1-м лицом, выражая кореферентность текстовому говорящему. Кодирование с точки зрения реального говорящего – 2-м лицом – недопустимо.

Наряду с употреблением данного глагола как полнозначного существуют примеры, где данный глагол используется в функции цитатного показателя или маркера хезитации аналогично таким единицам, как *как говорится*, *грю* (*говорю*), *мол*, ср. [Майтинская 1982: 135]. Пример (15) иллюстрирует данную функцию глагола:

(15) tač'e **man-əna** ənde č'əla molod'ož-et pogən-en-na.
сегодня **говорить-PRS.1PL** теперь вся молодежь-P.2SG собраться-PRT-1PL
'Сегодня мы, вся молодежь, собрались' [T].

В (15) глагол *manaš*, как и главный глагол, выступает в форме 1-го лица множественного числа, согласуясь с подлежащим главной предикации, т. е. имеет дейктический тип отсылки к реальным участникам речи. С другой стороны, глагол в (15) не обозначает ситуацию речи; данное предложение является началом текста, рассказываемого одним говорящим; далее в тексте нет никакого указания на множественность рассказчиков. Таким образом, нельзя проинтерпретировать *manəna* в (15) как «мы рассказываем». Множественность глагольной формы, по-видимому, связана с эффектом прайминга, т. е. отражает множественность на форме *pogənenna* 'мы собрались'. То есть форма *manəna* в данном предложении используется не как полнозначный глагол речи, а в качестве маркера хезитации. Рассмотрим также следующий пример:

(16) me-že tud-lan ojl-əna «jom-ən-na man-əna
мы-PTCL он-DAT говорить-PRS.1PL теряться-PRT-1PL сказать-PRS.1PL
ona pale kuš kaj-aš».
NEG.1PL знать куда идти-INF
'Мы же ей отвечаем: «Потерялись, говорим, не знаем, куда идти»' [T].

В (16) прямая речь вводится другим полнозначным глаголом речи *ojlaš*, глагол же *manaš* функционирует в данном случае как цитатный показатель, при этом он согласуется с текстовым говорящим.

Примеры (15) и (16) иллюстрируют утрату глаголом самостоятельного значения и самостоятельной функции в предложении в части употреблений. Хотя связь функции глагола с его основным значением не утрачена, в данных примерах он используется как цитатный показатель или маркер хезитации. При этом, в отличие от русской частицы *мол*, глагол речи выступает в финитной форме: сохраняется лично-числовое согласование.

В спонтанных текстах зафиксирована также усеченная форма *man* от глагола *manaš* (можно предположить, что это усечение деепричастия *manən*):

(17) möŋgə-štö televizor-əm onč'-ena. ere televizor... man televizor-əm
дом-INESS телевизор-ACC смотреть-PRS.1PL всегда телевизор **говорить** телевизор-ACC
onč'-en-ak šinč'-en ertar-eda žap-šə-m?
смотреть-CONV-EMPH сидеть-CONV проводить-PRS.2PL время-P.3SG-ACC
'[Что вы делаете вечером?] – Дома смотрим телевизор. – Всегда проводите время за телевизором? (букв. «телевизор... телевизор-асс смотря сидя проводите время»)' [Т].

В этом случае, как можно видеть из контекста, данная форма служит не для передачи ситуации речи, а в целях автокоррекции: говорящий изменяет форму слова 'телевизор' на аккузативную. В текстах также зафиксированы примеры, где данная форма вводит чужую речь.

В говоре с. Старый Торъял также зафиксированы случаи десемантизированного употребления номинализованной формы глагола *manaš* – пассивного причастия *manme*. Данная форма может использоваться в своем прямом значении, т. е. 'называемое' или 'то, о чем говорят', ср.:

(18) kəzət-at jal vokte-ne üžvek šügar man-me ver ul-o.
сейчас-add деревня около-iness Южвек могила говорить-nzr место быть-prs.3sg
'И сейчас возле деревни есть место, которое называется «могила Южвека»' [Т].

Однако носители также используют данную форму как комплементайзер в актантных предложениях:

(19) rveze [[ške iza-ž-lan üdər-ən sər-en ogəl]
мальчик REFL старший.брат-P.3SG-DAT девушка-GEN сердиться-CONV NEG.3SG
man-mə-lan] kuan-en.
говорить-NZR-DAT радоваться-PRT(3SG)
'Парень обрадовался, что девушка не на его брата обиделась'.

В данном случае *manme* употребляется десемантизированно, т. е. не имеет семантики речи (согласно интерпретации носителей). Согласно нашей выборке такие конструкции возникают при наличии отрицания в актантном предложении, если главный глагол вводит фактивный контекст (см. об оформлении фактивных контекстов в говоре с. Старый Торъял [Сердобольская и др. 2012]). Фактивные контексты требуют номинализации зависимого предиката, в то время как номинализация практически не допускает отрицания (в говоре с. Старый Торъял случаи, когда номинализация выступает с отрицанием, маргинальны). Перифрастическая конструкция с *manme* в примерах, аналогичных (19), вводится именно для выражения отрицания зависимого предиката (в данном случае *səren ogəl* 'не сердится'). Таким образом, форма *manme* в (19) не имеет семантики речи и используется десемантизированно, в целях введения отрицания в зависимую предикацию.

2.2. Полипредикативные конструкции с формой *manən* и зависимым предикатом в индикативе

2.2.1. Поведение manən *при глаголах речи*

Деепричастие глагола речи *manaš*, имеющее форму *manən*, широко используется в репортивных контекстах. Как и во многих других языках, включая русский (ср. *мол*, *грю*), в этих контекстах оно приобретает функции цитатного показателя. Рассмотрим подробнее, каким образом в данной конструкции оформляется чужая речь.

Во-первых, возможно оформление зависимой предикации как прямой речи, т. е. с согласованием глагола в зависимой предикации с текстовым говорящим по 1-му лицу:

(20) nastač'i jəvan-lan [[jörat-em] manən] ojl-a.
Настачи Иван-DAT любить-PRS.**1SG** COMPL говорить-PRS.3SG
'Настачи говорит Ивану, что она его любит'.

(21) а. iza-že šüžar-lan [[joŋələš ul-at] manən] kalas-en.
брат-P.3SG сестра-DAT ошибочно быть-PRS.**2SG** COMPL сказать-PRT(3SG)
'Брат сказал сестре, что она неправа'.
б. iza-že šüžar-lan [[joŋələš ul-am] manən] kalas-en.
брат- P.3SG сестра-DAT ошибочно быть-PRS.**1SG** COMPL сказать-PRT(3SG)
'Брат сказал сестре, что он неправ'.

В (20) и (21б) кореферентность субъекту главной и зависимой предикации кодируется 1-м лицом (показатель 1-го лица на глаголе в зависимой предикации), в (21а) кореферентность дативному дополнению – 2-м, то есть выбирается дейктический тип кодирования аргументов. Время глагола зависимой предикации выбирается в соответствии с правилами оформления прямой речи: вне зависимости от времени главного глагола (настоящее в (20), прошедшее в (21б)) зависимый предикат выступает в настоящем, отражая одновременность действий главной и зависимой предикации. Глагол *manaš* имеет форму деепричастия, что исключает оформление показателями времени и лично-числового согласования. Форма глагола имеет фиксированное положение – замыкает чужую речь. Речевая ситуация обозначается с помощью другого глагола речи (*kalasaš*).

На такие свойства глагола *manaš* указывают М.П. Чхаидзе, Н.И. Исанбаев и В.Т. Тимофеева [Чхаидзе 1941; Исанбаев 1961а; 1961б; Тимофеева 1961; 1975]. В работе В.Т. Тимофеевой отмечается, что деепричастие допускает дейктический тип кодирования текстового говорящего: «В марийской художественной литературе... отсутствует необходимость замены личной формы глагола-сказуемого, в результате чего косвенная речь по форме совпадает с прямой» [Тимофеева 1975: 101].

В то же время *manən* допускает и анафорический тип кодирования (см. [Тимофеева 1975: 98]), как в косвенной речи:

(22) üdər [[ava-že tud-əm molo joč'a de-č'
девочка мать-P.3SG **он**-ACC другой ребенок около-EL
č'ot-rak jörat-a] manən] moktan-en.
много-CMPR любить-PRS.3SG COMPL хвастаться-PRT(3SG)
'Девочка хвасталась, что мать ее любит больше всех детей'.

Такой тип кодирования недопустим при полнозначном употреблении глагола *manaš*, см. (14).

Кодирование временной референции зависимой предикации не зависит от временного плана, к которому относится главный предикат: в (22), как и при дейктической стратегии кодирования (20), используется настоящее для отражения одновременности действий при прошедшем времени главного предиката.

В спонтанных текстах при глаголах речи зафиксирована редуцированная форма данного показателя:

(23) da teve p'at'ikursn'ik-vlak kalaskal-at dək man
да вот пятикурсник-PL рассказывать-PRS.3PL дык говорить
vič' ij tunem-me ik keč'e semən ert-en.
пять год учение-NZR один день подобно проходить-PRT(3SG)
'Да, вот пятикурсники рассказывают, что пять лет учебы прошли как один день' [Т].

Данная форма может использоваться и в простом независимом предложении в функции частицы автокоррекции (17). Отметим, что в (23) *man* занимает неконечную

позицию в зависимой предикации. Подобных примеров с полной формой показателя *manən* нами не зафиксировано.

Таким образом, можно отметить следующие свойства *manən* в рассматриваемом типе контекстов:

- при *manən* зависимая предикация может оформляться как независимое предложение (как прямая речь);
- возможно кодирование актантов прямой речи, совпадающих с текстовыми участниками коммуникации, 1-м и 2-м лицом;
- предикат имеет независимое оформление, включая наклонение и время, согласуется с текстовым говорящим и слушающим по 1-му и 2-му лицу соответственно;
- сохраняется полная деепричастная форма глагола *manaš* (в спонтанной речи, однако, возможна фонетическая редукция);
- сохраняется связь с основным лексическим значением.

Данные свойства свидетельствуют о том, что рассматриваемая форма выступает как показатель цитации: допускается как дейктическая, так и анафорическая отсылка к текстовым говорящему и слушающему.

В этом классе контекстов проявляются следующие свойства, говорящие о грамматикализованности данной формы в функции цитатива:

- возможно (реже, чем дейктическое) анафорическое кодирование актантов;
- данная форма употребляется в присутствии другого матричного глагола речи, не создавая тавтологии;
- данная форма имеет фиксированное положение – замыкает чужую речь.

Таким образом, *manən* при глаголах речи функционирует как цитатный показатель.

Особым образом ведет себя редуцированная форма *man*, допускающая нефинальную позицию в зависимой предикации. Примеры с редуцированной формой, однако, единичны в нашей выборке, поэтому мы не рассматриваем ее подробно.

2.2.2. Сочетание manən *с неречевыми главными предикатами*

В марийском языке возможно расширение функций глагола *manən* с обозначения речи на контекст других модусных глаголов – ментальных и эмотивных. В следующих примерах данная форма употребляется с ментальными глаголами *šonaš* 'думать' и *üšanaš* 'верить':

(24) akpars [[mal-em] manən] šon-a.
Акпарс спать-PRS.1SG COMPL думать-PRS.3SG
'Акпарс думает, что он спит'.

(25) iza üšan-a [[šüžar-že ok šojəšt] manən].
старший.брат верить-PRS.3SG младший.сестра-P.3SG NEG.3SG врать COMPL
'Брат верит, что сестра его не обманет'.

Как видно из (24), при ментальных глаголах также возможен дейктический тип отсылки к текстовому говорящему: при кореферентности субъектов главной и зависимой предикации зависимый предикат *mal-em* имеет форму 1-го лица. Зависимый глагол оформляется так же, как при прямой речи. В (25) представлена анафорическая стратегия кодирования: для отсылки к текстовому говорящему используется посессивный показатель 3-го лица.

Примеры с ментальными глаголами с некоторой долей условности допустимо трактовать как передачу внутренней речи («Он думает, говоря про себя: ...»), т. е. можно считать, что *manən* выполняет в данном случае функции показателя цитации. Однако данный показатель возможен и при эмотивных глаголах. В (26)–(28) главные предикаты

представляют собой эмотивные глаголы *vožəlaš* 'стесняться', *kelšaš* 'нравиться' и глагол *vuč'aš* 'ждать':

(26) məj [[kurtk-əm č'ij-et] manən] vuč'-em.
я куртка-ACC надевать-PRS.2SG COMPL ждать-PRS.1SG
'Я жду, что ты наденешь куртку'.

(27) ava-ž-lan [[ergə-že saj-ən tunem-eš] manən] kelš-a.
мать- P.3SG-DAT сын- P.**3**SG хороший-ADV учиться-PRS.3SG COMPL нравиться-PRS.3SG
'Мать довольна, что ее сын хорошо учится'.

(28) iza-m [[šükšö-n mur-em] manən] vožəl-eš.
брат-P.1SG плохо-ADV петь-PRS.**1**SG COMPL стесняться-PRS.3SG
'Мой брат стесняется, что он плохо поет'.

В (27) представлена анафорическая стратегия кодирования: существительное *ergə-že* имеет посессивный показатель 3-го лица, относящийся к субъекту главной предикации (а не 1-го, как было бы при дейктической стратегии кодирования). В (28) зависимый глагол имеет показатель 1-го лица, т. е. используется дейктическая стратегия кодирования актантов. Данная стратегия более редка при эмотивных глаголах, чем при ментальных, однако также является допустимой.

При глаголах восприятия показатель *manən* предпочтителен в том случае, если они употребляются не в своем прямом значении (непосредственное восприятие), а в значении так называемого «когнитивного восприятия» (см. подробнее [Noonan 1985: 129]), поэтому мы не рассматриваем данные глаголы подробно. При предикатах оценки обсуждаемый показатель практически не употребляется.

Во всех приведенных выше примерах глагол в зависимой предикации оформляется индикативом. В зависимости от наличия каузации и желания, чтобы ситуация в зависимой предикации осуществилась, возможно использование в зависимой предикации косвенных наклонений – императива и оптатива. При некоторых матричных предикатах, допускающих конструкцию с косвенным наклонением, зависимый предикат также может выступать в инфинитиве. Случаи, когда зависимый предикат оформляется императивом, оптативом или инфинитивом, рассматриваются в разделе 2.3.

На основе анализа примеров можно сделать следующие выводы о свойствах показателя *manən* в конструкции с индикативом в зависимой предикации:

– в марийском языке класс глаголов, сочетающихся с данной формой в качестве показателя подчинения, достаточно широк; при матричных глаголах, не имеющих семантики речи, форма *manən* употребляется десемантизированно;

– *manən* имеет строго фиксированную позицию;

– для неречевых матричных предикатов более частотно анафорическое кодирование актантов, чем для глаголов речи;

– чем дальше значение глагола от передачи речи, тем более вероятна анафорическая стратегия кодирования актантов; соответственно, эмотивные глаголы чаще присоединяют анафорическую стратегию, чем ментальные.

Таким образом, при эмотивных матричных предикатах *manən* чаще функционирует как подчинительный союз. Ментальные предикаты с равной частотой допускают оба типа конструкций – и конструкции с цитативом, и конструкции с подчинительным союзом.

2.3. *Manən* в конструкциях с императивом, оптативом и инфинитивной формой зависимого предиката

2.3.1. Manən *в конструкциях речевой каузации*

Отдельного внимания заслуживают конструкции с оптативом и императивом в сентенциальном актанте. Императив или оптатив выбирается, если главный предикат обозначает речевую или внеречевую каузацию ('велеть', 'приказать' и т. п.), контроль

субъекта над зависимой ситуацией ('спешить что-л. сделать', 'готовиться что-л. сделать') или выражает стимул при нефактивных эмотивных глаголах ('ждать', 'бояться', 'стесняться', 'остерегаться'). В данном подразделе мы рассмотрим поведение обсуждаемого показателя в контекстах речевой каузации.

(29) məj ava-m-lan kalas-en-am [[mə-lan-em kniga-m pu] manən].
я мать-P.1SG-DAT говорить-PRT-1SG я-DAT-P.1SG книга-ACC дать.IMP COMPL
'Я сказал маме, чтобы она дала мне книгу (букв. «дай мне книгу»)'.

(30) ač'a üdər-lan [[pört muš-šo] manən] küšt-en.
отец дочь-DAT дом мыть-OPT.SG COMPL велеть-PRT(3SG)
'Отец велел дочери вымыть дом (букв. «пусть вымоет дом»)'.

Эта ситуация передачи чужой речи отличается от рассмотренной в п. 2.2 тем, что обычно предполагается кореферентность актанта главной предикации субъекту зависимой: реципиент главного глагола становится тем лицом, которое подвергается побуждению. При передаче чужой речи в данном случае глагол чаще всего оформляется повелительным наклонением (что соответствует дейктической стратегии кодирования аргументов в прямой речи) (29). Возможно также кодирование зависимого предиката оптативом (что соответствует анафорическому типу кодирования актантов) (30).

Такие конструкции рассматриваются в настоящей работе отдельно от конструкций с индикативом, в силу того что при многих главных предикатах они допускают также вариант, где зависимый предикат выступает в инфинитивной форме:

(31) ač'a-že üdər-žə-lan [[küvar-əm mušk-**aš**] **manən**] kalas-en.
отец-P.3SG дочь-P.3SG-DAT пол-ACC мыть-INF COMPL говорить-PRT(3SG)
'Отец велел дочери вымыть пол'.

(32) ava erg-əž-lan [[pareŋg-əm kond-**aš**] **manən**] küšt-en.
мать сын-P.3SG-DAT картошка-ACC приносить-INF COMPL велеть-PRT(3SG)
'Мать велела сыну принести картошки'.

Если в (29) и (30) *manən* выступает как цитатив, допускающий и дейктическую, и анафорическую стратегии кодирования, то при инфинитиве в зависимой предикации используется только анафорическая стратегия. Зависимый предикат оформляется инфинитивом, а не финитной формой, как в независимом предложении[4], т. е. не передает чужую речь буквально – еще одно свойство косвенной речи. Таким образом, в ситуации речевой каузации *manən* функционирует не как цитатив, а как подчинительный союз, в отличие от ситуации передачи чужой речи (когда зависимый предикат оформляется индикативом), ср. п. 2.2.1. В силу этого конструкции речевой каузации представляют собой особый тип, отличный от конструкции передачи речи.

Перечислим свойства рассмотренных конструкций:

– в конструкции с *manən* возможна дейктическая или (реже) анафорическая стратегия кодирования актантов;

– зависимый предикат может выступать в инфинитивной форме, т. е. имеет место не «пряморечное» оформление глагола.

Итак, при наличии в предложении семантики каузации показатель *manən* функционирует или как цитатив, или как союз, присоединяя два различных типа конструкций. Заметим, что это происходит как при глаголах речи (*ojlaš* и *kalasaš* 'говорить'), так и собственно при предикатах речевой каузации (*küštaš* 'приказывать, велеть', *šüdaš* 'приказывать' и др.).

---

[4] В марийском языке инфинитив может возглавлять независимое предложение, ср. [Васикова 1976: 47–48]. Однако это возможно при наличии особых модальных значений, например, категорический приказ, необходимость и т. п.

2.3.2. **Manən** *в сентенциальных актантах с неречевыми предикатами каузации и потенциальной ситуации*

Как и в п. 2.2, происходит расширение класса глаголов, с которыми употребляется *manən*, с глаголов речевой каузации на каузативные глаголы, необязательно предполагающие наличие речевого компонента (*könaš* 'соглашаться', *koltaš* 'отпускать' и т. п.), и неречевые глаголы контроля и потенциальной ситуации (*jamdəlaltaš* 'готовиться', *təršaš* 'стараться' и др.).

(33) а. ač'a ergə-žə-m [[mod] manən] kolt-əš.
отец сын-P.3SG-ACC играть.IMP COMPL отпускать-NARR.3SG
б. ač'a ergə-žə-m [[mod-šo] manən] kolt-əš.
отец сын-P.3SG-ACC играть-OPT.SG COMPL. отпускать-NARR.3SG
в. ač'a ergə-žə-m mod-aš kolt-əš.
отец сын-P.3SG-ACC играть-INF отпускать-NARR.3SG
'Отец отпустил сына поиграть'.

(34) joč'a [[ava-že tud-əm muš-šo] manən] jamde.
ребенок мать-P.**3SG** **он**-ACC мыть-OPT.SG COMPL. готов
'Ребенок готов, чтобы мама его искупала'.

Данные типы глаголов допускают как дейктическую, так и анафорическую стратегию, однако анафорическая более частотна. Если субъект зависимой клаузы кореферентен аргументу главной (т. е. в контексте контроля), предпочтителен инфинитив с показателем *manən* или (чаще) без него (33в).

Те же свойства демонстрирует глагол *külaš* 'быть нужным' в конструкции с показателем *manən* и косвенным наклонением в зависимой предикации:

(35) [[erg-əže polš-əžo] manən] ač'a-ž-lan kül-eš.
сын-P.**3SG** помогать-OPT.SG COMPL отец-P.3SG-DAT быть.нужным-PRS.3SG
'Отцу нужно, чтобы сын ему помог'.

В (35) используется анафорическая стратегия кодирования актантов, ср. 3-е лицо посессивного показателя для отсылки к дативу в главной предикации.

При неречевых глаголах данной группы наряду с оптативом / императивом в зависимой предикации может также использоваться индикатив:

(36) [[tud-əm jod-ət / jod-əšt] manən] jamdəlalt-en.
он-ACC спрашивать-**PRS.**3PL спрашивать-**OPT.**PL COMPL спешить-PRT(3SG)
'Он готовился к тому, чтобы его спросили'.

(37) [[koč'kəš jamde lij-že] manən] məj tunem-ən-am.
еда готов стать-**OPT.**SG COMPL я привыкать-PRT-1SG
'Я привык, чтобы еда была готова [к моему приходу]'.

(38) [[ava-m er kən'el-eš] manən] məj tunem-ən-am.
мать-P.1SG рано вставать-**PRS.**3SG COMPL я привыкать-PRT-1SG
'Я привык, чтобы мама рано вставала'.

Конструкция «инфинитив + *manən*» встречается в некотором подмножестве контекстов, характерных для инфинитива, – в целевых конструкциях, в контексте предикатов каузации (33в) и потенциальной ситуации, см. [Сердобольская и др. 2012]; при остальных типах матричных предикатов данная конструкция не употребляется.

В этот же класс конструкций попадают конструкции с ментальными и эмотивными предикатами, которые в одном из своих значений допускают оптатив, например глаго-

лами *šonaš* 'думать' и *kelšaš* 'нравиться' (такое значение они имеют при *manən* с индикативом) в значениях 'хотеть' и 'соглашаться' соответственно:

(39) ergə-že [[ava-že melna-m küeš-še] manən] šon-a.
сын-P.3SG мать- P.**3**SG блины-ACC печь-**OPT**.SG COMPL думать-PRS.3SG
'Сын хочет, чтобы мать напекла блинов'.

(40) joč'a [[tud-əm musk-əšt manən] kelš-en.
ребенок **он**-ACC мыть-**OPT**.PL COMPL нравиться-PRT(3SG)
'Ребенок согласился, чтобы его искупали'.

Как и при каузативных глаголах, в этих конструкциях чаще всего используется анафорическая стратегия (ср. в (39) 3-е лицо посессивного показателя, обозначающего текстового говорящего, и анафорическое местоимение для обозначения текстового говорящего в (40)), однако возможна и дейктическая.

Перечислим свойства рассмотренных конструкций:

– в конструкции с *manən* чаще всего используется анафорическая стратегия кодирования актантов, хотя возможна и дейктическая стратегия;

– ряд неречевых глаголов потенциальной ситуации допускает как косвенные наклонения, так и индикатив;

– при кореферентности субъекту зависимой клаузы чаще всего используется инфинитив; в этом случае возможна конструкция без *manən* (при некоторых матричных предикатах она предпочтительна, ср. (33в)).

2.3.3. Manən *в сентенциальных актантах с эмотивными глаголами*

Конструкция с косвенными наклонениями при *manən* используются при нефактивных эмотивных глаголах *lüdaš* 'бояться', *šeklanaš* 'опасаться', *vuč'aš* 'ждать', *öraš* 'удивляться, сомневаться' (в нефактивном употреблении) и др. Приведенные ниже примеры иллюстрируют употребление формы *manən* с матричными предикатами 'бояться' и 'ждать':

(41) [[iktaž-mo ən-že lij] manən] lüd-am.
INDEF-что NEG-**OPT**.SG стать COMPL бояться-PRS.1SG
'Я боюсь, как бы чего не вышло'.

(42) а. [[una-vlak tol-ət] manən] vuč'-em.
гость-PL приходить-**PRS**.3PL COMPL ждать-PRS.1SG
б. [[una-vlak tol-əšt] manən] vuč'-em.
гость-PL приходить -**OPT**.PL COMPL ждать-PRS.1SG
'Я жду прихода гостей'.

В этих примерах семантика главного глагола не связана с ситуацией передачи чужой речи. Оптатив зависимого предиката вместо императива гораздо частотней, чем при глаголах речевой каузации. Таким образом, в данных конструкциях *manən* чаще выступает в роли подчинительного союза.

Следует уточнить, что предикаты данного типа допускают в зависимой предикации, кроме оптатива, индикатив (42). Выбор наклонения зависит от наличия компонента желательности: в частности, носители комментируют примеры (42а) и (42б) как «Я хочу, чтобы гости пришли» vs. «Я ожидаю, что гости придут (неизвестно, хочу я этого или нет)». Аналогичное различие прослеживается в семантических сдвигах, наблюдаемых при глаголах *šonaš* 'думать' и *kelšaš* 'нравиться' (примеры (39) и (40) соответственно), а также при предикатах каузации и потенциальной ситуации, ср. (37) и (38).

В конструкциях, рассматриваемых в настоящем подразделе, инфинитив при *manən* недопустим. Рассмотрим примеры с глаголом *šeklanaš* 'остерегаться, опасаться':

(43) [[memna-m ənəšt pušt] manən] šeklan-ena.
мы-ACC NEG.OPT.PL убить COMPL опасаться-PRS.1PL
'Мы остерегаемся, чтобы нас не убили'.

(44) *[[təšte košt-aš] manən] šeklan-em.
здесь ходить-INF COMPL опасаться-PRS.1SG
'Я опасаюсь там ходить'.

Из примера (43) видно, что данный глагол присоединяет конструкцию с показателем *manən* и оптативом, однако инфинитив с *manən* невозможен (44).

Перечислим свойства рассмотренных конструкций:

– в конструкции с *manən* и формой косвенного наклонения при эмотивных глаголах преимущественно используется анафорическая стратегия кодирования актантов;

– предикаты данного типа допускают как косвенные наклонения, так и индикатив;

– зависимый предикат не может выступать в инфинитивной форме.

Таким образом, учитывая строгие ограничения на стратегию оформления аргументов зависимой предикации, *manən* при эмотивных глаголах чаще всего выступает в роли подчинительного союза.

2.3.4. Поведение manən *в обстоятельственных предложениях цели и причины*

Следующим шагом «отдаления» формы *manən* от передачи чужой речи является распространение функций этой формы на обстоятельственные предложения со значением цели (39) и причины (40):

(45) [[məj-ən joč'a-vlak-em institut-əšto tunem kert-əšt] manən]
я-GEN ребенок-PL-P.1SG институт-INESS учиться мочь-OPT.PL COMPL
məj č'ot paša-m əšt-aš tũŋal-am.
я много работа-ACC делать-INF начать-PRS.1SG
'Я буду много работать, чтобы мои дети смогли учиться в институте'.

(46) [[en onč'əč' kurž-ən tol-ən] manən] pet'a-lan ikəmše
самый впереди бегать-CONV приходить-PRT(3SG) COMPL Петя-DAT первый
ver-əm pu-en-ət.
место-ACC давать-PRT-3PL
'Пете дали первое место за то, что он прибежал быстрее всех'.

В таких конструкциях чаще всего используется анафорическая стратегия кодирования аргументов, ср. в (46) 3-е лицо зависимого предиката при обозначении кореферентности дативному участнику в главной предикации.

При кореферентности субъектов главной и зависимой предикации в целевых конструкциях чаще всего используется инфинитив без *manən*:

(47) jadəkplak-əšte ilə-še č'omək kugəza da tošto torjal-əšte ilə-še
Ядыкплак-INESS жить-PTCP.ACT Чомык старик и старый Торъял-INESS жить-PTCP.ACT
kori kugəza [unala vaš-vaš košt-aš] pikš de-ne lüj-en-ət ulmaš.
Кори старик в.гости RECP ходить-INF стрела около-INESS стрелять-PRT-3PL EVID
'Чтобы ходить друг к другу в гости, дед Чомык из Ядыкплака и дед Кори из Старого Торъяла пускали стрелы' [T].

Однако показатель manən употребляется, если в зависимой клаузе содержится отрицание:

(48) [[paša-lan tül-aš ogəl] manən] kəč'altəl-eš.
работа-DAT платить-INF NEG.PRS.3SG COMPL придираться-PRS.3SG
'Он придирается, чтобы не заплатить за работу'.

Выражение отрицания непосредственно при инфинитиве затруднительно (нами зафиксированы примеры, где в этих целях используется форма отрицательного глагола *ogəl* и *ogəl-lan* с дательным падежом [Сердобольская и др. 2012: 397], однако данные примеры достаточно редки и не всегда допускаются носителями), поэтому конструкция с *manən* в этом случае выбирается для введения отрицания (ср. использование формы *manme* для выражения отрицания в номинализации (19)).

В обстоятельственных конструкциях при кореферентности субъектов также возможна дейктическая стратегия кодирования (49а). Такие примеры признаются не всеми носителями, в отличие от (49б), где используется конструкция с инфинитивом при *manən*, и (46), где выбирается анафорическая стратегия (зависимый предикат согласуется с дативным участником по 3-му лицу).

(49) а. [[korem-əš kaj-em] manən] tudo kem-əm č'ij-en.
овраг-LAT идти-PRS.1SG COMPL он сапог-ACC надевать-PRT(3SG)
б. [[korem-əš kaj-aš] manən] tudo kem-əm č'ij-en.
овраг-LAT идти-INF COMPL он сапог-ACC надевать-PRT(3SG)
'Он надел сапоги, чтобы пойти к оврагу'.

По мнению носителей, несмотря на дейктическую стратегию кодирования в (49а), данное предложения не требует «речевой» интерпретации *manən* (букв. «говоря "Я пойду к оврагу"») – т. е. возможна полная утрата рассматриваемой формой семантической связи с исходным глаголом речи и приобретение ею функции подчинительного союза.

Конструкция с инфинитивом, как уже говорилось выше, также является частным случаем употребления *manən* в роли подчинительного союза.

Заметим, что в обстоятельственных конструкциях допустим как индикатив, так и косвенные наклонения в зависимой предикации[5], ср. (45) и (49а).

Перечислим свойства рассмотренных конструкций:

– в обстоятельственных конструкциях с *manən* допустим как индикатив, так и косвенное наклонение зависимого предиката;

– используется преимущественно анафорическая стратегия кодирования актантов, однако дейктическая стратегия также допустима;

– в случае кореферентности субъектов зависимый предикат чаще всего выступает в инфинитивной форме.

Таким образом, *manən* в обстоятельственных предложениях чаще всего демонстрирует свойства подчинительного союза, однако может выступать и как цитатив, как в (49а).

2.4. Выбор стратегии кодирования актантов (дейктическая vs. анафорическая) и их синтаксическая позиция в зависимой клаузе

На выбор стратегии кодирования аргументов зависимой клаузы оказывает влияние не только наличие ситуации речи, тип главного предиката и т. п., но и синтаксическая позиция аргумента в зависимой клаузе. Сравним следующие примеры:

(50) а. iza-že šüžar-lan [[joŋələš ul-at] manən] kalas-en. (= 21)
брат-P.3SG сестра-DAT ошибочно быть-PRS.2SG COMPL сказать-PRT(3SG)
'Брат сказал сестре, что она была не права'.
б. iza-že šüžar-lan [[joŋələš ul-am] manən] kalas-en.
брат-P.3SG сестра-DAT ошибочно быть-PRS.1SG COMPL сказать-PRT(3SG)
'Брат сказал сестре, что он был не прав'.

[5] По-видимому, в целевых конструкциях чаще используется оптатив, в ситуации причины – индикатив. Однако данные выводы являются предварительными и требуют проверки.

(51) iza-že$_i$ šüžar-žə-lan [[maska tud-əm$_i$ susərt-en]
брат-P.3SG сестра-P.3SG-DAT медведь **он**-ACC ранить-PRT(**3SG**)
manən] kalas-əš.
COMPL говорить-NARR(3SG)
'Брат сказал сестре, что медведь его поранил'.

Как показано в п. 2.2.1, при глаголах речи наиболее частотна дейктическая стратегия кодирования актантов зависимой предикации, однако анафорическая также возможна. По нашим данным, дейктическая стратегия высокочастотна в том случае, если кореферентный участник в зависимой предикации является подлежащим, как в (50). При этом нерелевантно, кодирует данная группа текстового говорящего (50б) или слушающего (50а). Если кореферентный участник не является подлежащим в зависимой клаузе (мы проверяли следующие типы аргументов: прямое дополнение, непрямое дополнение и посессивный показатель на одной из именных групп), анафорическая стратегия выбирается чаще (51). Приведем аналогичные примеры для контекста главного глагола *šonaš* 'думать': в (52а) 1-е лицо согласования на зависимом глаголе обозначает кореферентность подлежащего текстовому говорящему, в том время как в (52б) прямое дополнение, кореферентное текстовому говорящему, кодируется анафорическим местоимением и используется посессивный показатель 3-го лица для отсылки к текстовому говорящему.

(52) а. jəvan [[ola-ške kaj-em] manən] šon-a.
Иван город-ILL идти-PRS.**1SG** COMPL думать-PRS.3SG
'Иван думает, что он поедет в город'.
б. jəvan [[veŋ-əže tud-əm pagal-a] manən] šon-a.
Иван зять-P.**3SG** **он**-ACC уважать-PRS.3SG COMPL думать-PRS.3SG
'Иван думает, что зять его уважает'.

В ситуации речевой каузации при кореферентности подлежащего зависимой предикации текстовому слушающему может использоваться как дейктическая (29), так и анафорическая (30) стратегия; при кореферентности посессивного показателя текстовому слушающему чаще используется анафорическая стратегия:

(53) [[šüžar-že mannoj kaše koč'-šo] manən]
младшая.сестра-P.**3SG** манный каша есть-OPT.SG COMPL
ava-že ergə-ž-lan šüd-en.
мать-P.3SG сын-P.3SG-DAT велеть-PRT(3SG)
'Мать велела сыну, чтобы (его) сестренка поела манной каши'.

Данное обобщение верно для всех типов контекстов, в которых употребляется показатель *manən*: в общем и целом в одном и том же контексте анафорическая стратегия встречается чаще, если кореферентный участник не является подлежащим.

Таблица 2 суммирует данные о частотности стратегий кодирования актантов для разных типов кореферентности актантов главной и зависимой предикации в зависимости от типа контекста. Частотность той или иной стратегии определялась по имеющемуся у нас корпусу примеров.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели свойства глагола *manaš* и показателя *manən* в различных конструкциях. Поведение этой формы в полипредикативных конструкциях при разных семантических классах предикатов отражает разную степень ее грамматикализации, постепенную утрату связи с основным значением глагола *manaš* и переход в разряд служебных частей речи. При определении степени и пути грамматикализации данной формы мы анализировали следующие параметры: стратегия кодирования кореферентности актантов главной и зависимой предикации (дейктическая, т. е. «пряморечная»,

Таблица 2

Тип кореферентности / Класс глагола	П/ПД/НД[6] в главной клаузе кореферентен П в зависимой клаузе	П/ПД/НД в главной клаузе кореферентен ПД/НД/ПОСС в зависимой клаузе
Конструкции с индикативом[7] в зависимой предикации		
глаголы речи: 'сказать', 'говорить'	дейктическая>> анафорическая	дейктическая/анафорическая
ментальные глаголы: 'думать', 'знать', 'верить'	дейктическая/ анафорическая	анафорическая>> дейктическая
эмотивные глаголы: 'радоваться', 'сердиться'	анафорическая>> дейктическая	анафорическая
Конструкции с косвенным наклонением или инфинитивом в зависимой предикации		
речевая каузация: 'приказывать', 'просить', 'велеть' и др.	дейктическая/ инфинитив>> анафорическая	дейктическая/анафорическая
предикаты каузации: 'согласиться', 'научить', 'отпускать' и др.	инфинитив>> анафорическая/ дейктическая	анафорическая>> дейктическая
предикаты потенциальной ситуации: 'стараться', 'спешить', 'готовиться' и др.	инфинитив>> анафорическая>> дейктическая	анафорическая
нефактивные эмотивные глаголы: 'стесняться', 'ждать', 'бояться' и др.	анафорическая>> дейктическая	анафорическая
обстоятельственные конструкции цели	инфинитив>> анафорическая>> дейктическая	анафорическая
обстоятельственные конструкции причины	анафорическая>> дейктическая	анафорическая

vs. анафорическая как характерная для косвенной речи) и возможность инфинитива в зависимой предикации. Предполагается, что цитатив сочетается с обеими стратегиями кодирования аргументов и не допускает инфинитив, в то время как подчинительный союз требует анафорической стратегии кодирования или инфинитива в зависимой предикации.

Согласно данным параметрам, конструкции с показателем *тапэп* разбиваются на классы, зависящие от семантики (наличия компонента каузации, потенциальности и

[6] Обозначения в таблице: П – подлежащее, ПД – прямое дополнение, НД – непрямое и косвенное дополнение, ПОСС – посессивный показатель на одной из именных групп; знак '/' обозначает, что обе стратегии одинаково частотны; знак '>>' обозначает, что первая стратегия более частотна, чем вторая.

[7] Уточним, что один и тот же матричный предикат может попадать в оба класса конструкций, например, глаголы речи ('сказать', 'говорить') могут вводить ситуации речевой каузации; нефактивные эмотивные глаголы могут присоединять как индикатив, так и косвенные наклонения и т. п.

желательности ситуации в зависимой предикации) и от наклонения в зависимой предикации (индикатив vs. косвенные наклонения). При глаголах речи в конструкции с индикативом *manən* ведет себя как цитатив. В ситуации речевой каузации, однако, данный показатель может функционировать как подчинительный союз (т. е. допускать инфинитив). С ментальными глаголами показатель *manən* может проявлять свойства цитатива или подчинительного союза. При эмотивных глаголах, а также при предикатах каузации и потенциальной ситуации анализируемый показатель выступает в роли подчинительного союза; реже допустимы конструкции, характерные для цитатива. То же верно для обстоятельственных предложений со значением причины и цели. Таким образом, чем дальше значение конструкции от семантики передачи чужой речи, тем менее частотна дейктическая стратегия кодирования.

Опираясь на обсуждаемые параметры, мы предполагаем, что грамматикализация показателя *manən* в марийском языке происходила в несколько этапов. На первом этапе анализируемая единица выступает в роли цитатива, на втором функционирует как подчинительный союз. Этапы грамматикализации глагола *manaš* в марийском языке можно представить в виде схемы 1.

Схема 1. Показатель *manən* как цитатив и как подчинительный союз в полипредикативных конструкциях лугового марийского языка

Полужирным на схеме отмечены классы контекстов, в которых анализируемый показатель может выступать как цитатив (т. е. допускает дейктическую стратегию кодирования актантов и не допускает инфинитив). В остальных случаях данная конструкция возможна, однако предпочтительна конструкция, где *manən* функционирует как подчинительный союз.

Следует уточнить, что для выбора стратегии кодирования актанта важна его синтаксическая позиция в зависимой предикации. Анафорическая стратегия более вероятна, если кореферентный участник не является подлежащим.

Конструкции с индикативом, по-видимому, проходят путь от передачи чужой речи через ментальные глаголы к контексту эмотивных глаголов в сентенциальном актанте (верхняя строка схемы 1). Конструкции с косвенными наклонениями возникают как средство обозначения речевой каузации и затем начинают употребляться для обозначения неречевой каузации и потенциальной ситуации при глаголах 'готовиться', 'стараться' и т. п., а также в обстоятельственных конструкциях (нижняя строка схемы 1). В этих контекстах, как и при эмотивных глаголах, допустим как индикатив, так и косвенные наклонения. Поскольку из эмотивных глаголов такое употребление возможно только при нефактивных глаголах, у которых ситуация в зависимой предикации является потенциально возможной (например, 'Жду / боюсь, что встречу Петю (сейчас)') или генерической ('Я боюсь ходить в лес (вообще)'), можно предположить, что данное употребление развивается из контекста глаголов потенциальной ситуации. Это соответствует выбору стратегии кодирования актантов в зависимой предикации: и при предикатах потенциальной ситуации, и при эмотивных глаголах чаще всего выбирается анафорическая стратегия. Обстоятельственные употребления, по-видимому, развиваются из глаголов потенциальной ситуации – как и последние, они допускают и косвенные наклонения, и индикатив и в основном требуют анафорической стратегии кодирования.

Итак, можно охарактеризовать процесс грамматикализации показателя *manən* следующим образом:

1) деепричастная форма *manən* начинает употребляться для кодирования прямой речи в качестве показателя цитации;
2) происходит расширение класса конструкций, в которых употребляется эта форма: она начинает употребляться при глаголах, не имеющих семантики речи (ментальных, эмотивных и др.);
3) с другой стороны, в качестве показателя цитации *manən* употребляется при глаголах речевой каузации с оформлением зависимого глагола императивом;
4) расширяется класс глаголов (на неречевые предикаты каузации и потенциальной ситуации) – императив чаще заменяется оптативом и инфинитивом;
5) в ситуациях каузации и потенциальной ситуации утрачивается независимое финитное оформление зависимого предиката, характерное для ситуации передачи чужой речи, начинает употребляться инфинитив с показателем *manən*;
6) дейктическая стратегия кодирования актантов зависимого предиката становится более редкой в неречевых контекстах;
7) происходит распространение рассматриваемых конструкций на обстоятельственные предложения;
8) показатель *manən* грамматикализуется в подчинительный союз.

Таким образом, марийский материал является дополнительным подтверждением путей грамматикализации глаголов речи. При этом пример марийского языка представляет интерес в силу того, что в нем на синхронном уровне сосуществуют различные стадии грамматикализации глагола *manaš*. Далее, уточняется схема грамматикализации глаголов речи, имеющая в типологических работах вид *глагол речи* > *цитатив* > *подчинительный союз*, ср. [Güldemann, von Roncador 2002]. Мы показываем, что для марийского языка разный путь грамматикализации проходят конструкции передачи речи (мысли, эмоции и т. п.) vs. конструкции речевой каузации и потенциальной ситуации. Во втором типе контекстов процесс грамматикализации, по-видимому, идет быстрее, чем в первом: в конструкции речевой каузации при глаголах речи обсуждаемый показатель довольно часто ведет себя, как подчинительный союз (допускающий нефинитную зависимую предикацию), в то время как в ситуации передачи речи при тех же глаголах такого не происходит (показатель *manən* практически всегда выступает как цитатив, что проявляется в выборе стратегии оформления актантов).

Распределение функций различных форм данного глагола представлено на схеме 2.

Схема 2. Функции различных форм глагола *manaš* в луговом марийском языке

СПИСОК ГРАММАТИЧЕСКИХ ГЛОСС

ABS	абсолютив	INESS	инессив
ACC	аккузатив	INF	инфинитив
AD	локализаци «около»	LAT	латив
ADD	аддитивная частица	M	мужской согласовательный класс
ADV	адвербиализатор	MSD	масдар
AFF	аффектив	N	средний согласовательный класс
AOR	аорист	NARR	нарративное прошедшее
CIT	цитатив	NZR	номинализатор
CMPR	сравнительная частица	NEG	отрицание
COMPL	комплементайзер	OPT	оптатив
CONV	конверб	1/2/3SG/PL	лично-числовые показатели
DAT	датив	P	посессивный показатель
EL	элатив	PL	множественное число
EMPH	эмфатическая частица	PRS	настоящее время
ERG	эргатив	PRT	претерит
EVID	показатель эвиденциальности	PTCL	частица
FUT	будущее время	PTCP	причастие
GEN	генитив	PTCP.ACT	активное причастие
ILL	иллатив	REFL	рефлексив
IMP	императив	RECP	реципрок
INDEF	показатель неопределенности	SG	единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бергельсон рук. – Бергельсон М.Б. Конструкции с сентенциальными актантами в андийском языке. Отчет по материалам экспедиции в с. Анди Республики Дагестан. Рукопись. [Bergel'son M.B. *Complementation in Andi. The report on the fieldtrip in the village of Andi in the Republic of Dagestan*. Unpublished.]

Васикова 1976 – Васикова Л.П. Некоторые особенности инфинитивов в современном марийском языке // Гордеев Ф.И. (ред.). Вопросы марийского языкознания. Киров: Кировский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, 1976. [Vasikova L.P. Some peculiarities of the infinitives in Modern Mari. *Voprosy mariiskogo yazykoznaniya*. Gordeev F.I. (ed.). Kirov: Kirov State Ped. Inst., 1976.]

Васильев, Учаев 2003 – Васильев В.М., Учаев З.В. Марийско-русский словарь. Т. 4. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003. [Vasil'ev V.M., Uchaev Z.V. *Mariisko-russkii slovar'* [Mari-Russian dictionary]. Vol. 4. Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izd., 2003.]

Галкин 1964 – Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 1. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1964. [Galkin I.S. *Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka. Morfologiya* [Historical grammar of Mari. Morphology]. Part 1. Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izd., 1964.]

Есперсен 1958 – Есперсен О. Философия грамматики. М.: ИИЛ, 1958. [Jespersen O. *Filosofiya grammatiki* [The philosophy of grammar]. Moscow: Inostrannaya Literatura, 1958.]

Ильевская рук. – Ильевская А.А. Конструкции с сентенциальными актантами в марийском языке. Отчет по материалам экспедиции в с. Старый Торьял республики Марий Эл. Рукопись. [Il'evskaya A.A. *Complementation in Mari. The report on the fieldtrip in the village of Staryi Toryal in the Republic of Marii El*. Unpublished.]

Исанбаев 1961а – Исанбаев Н.И. Особенности употребления *манын* и *лийын* в марийском языке // Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1961. Вып. 15. [Isanbaev N.I. Peculiarities of the use of *manən* and *lijən* in Mari. *Trudy Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. 1961. No. 15.]

Исанбаев 1961б – Исанбаев Н.И. Употребление деепричастия *манын* «говоря» // Вопросы языка, литературы и фольклора. Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1961. Вып. 15. С. 96–111. [Isanbaev N.I. The use of the converb *manən* 'saying'. *Voprosy yazyka, literatury i fol'klora. Trudy Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. 1961. No. 15. Pp. 96–111.]

Коведяева 1976 – Коведяева Е.И. Марийский язык // Лыткин В.И., Майтинская К.Е., Редеи К. (ред.) Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. [Kovedyaeva E.I. Mari. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Mariiskii, permskie i ugorskie yazyki.* Lytkin V.I., Maitinskaya K.E., Redei K. (eds). Moscow: Nauka, 1976.]

Кононов 1953 – Кононов А.Н. О союзном слове *diye* в турецком языке // Баскаков Н.А. (отв. ред.). Академику В.А. Гордлевскому к его 75-летию. М.: Издательство АН СССР, 1953. [Kononov A.N. On the conjunction *diye* in Turkish. *Akademiku V.A. Gordlevskomu k ego 75-letiyu.* Baskakov N.A. (ed.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1953.]

Литвиненко и др. 2009 – Литвиненко А.О., Коротаев Н.А., Кибрик А.А., Подлесская В.И. Конструкции с цитацией, или «чужой речью» // Кибрик А.А., Подлесская В.И. (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 288–308. [Litvinenko A.O., Korotaev N.A., Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. Quotative constructions, or constructions with indirect speech. *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa.* Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. (eds). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009. Pp. 288–308.]

Майсак 2005 – Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. [Maisak T.A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktsii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [A typology of grammaticalization of the constructions with verbs of motion and position]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2005.]

Майтинская 1982 – Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. [Maitinskaya K.E. *Sluzhebnye slova v finno-ugorskikh yazykakh* [Connective words in Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka, 1982.]

Мерданова 2003 – Мерданова С.Р. Нестандартная грамматикализация глагольных конструкций (на материале агульского языка) // Храковский В.С. (отв. ред.). Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. СПб.: Наука, 2003. [Merdanova S.R. Non-standard grammaticalization patterns of verbs (based on Agul). *Grammaticheskie kategorii: ierarkhii, svyazi, vzaimodeistvie*. Khrakovskii V.S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2003.]

Падучева 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. [Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Studies in semantics. Semantics of tense and aspect in Russian. Semantic of the narrative]. Moscow: Shkola Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]

Падучева 2001 – Падучева Е.В. Модальность сквозь призму дейксиса // Белошапкова Т.В., Шмелева Т.В. (ред.). Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти В.А. Белошапковой. М.: Индрик, 2001. С. 184–197. [Paducheva E.V. Modality in the light of deixis. *Traditsionnoe i novoe v russkoi grammatike. Sbornik statei pamyati V.A. Beloshapkovoi.* Beloshapkova T.V., Shmeleva T.V. (eds). Moscow: Indrik, 2001. Pp. 184–197.]

Падучева 2009 – Падучева Е.В. Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. [Paducheva E.V. *Stat'i raznykh let* [Selected papers]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]

Подлесская 1993 – Подлесская В.И. Сложное предложение в современном японском языке: материалы к типологии полипредикативности. М.: ИВРАН, 1993. [Podlesskaya V.I. *Slozhnoe predlozhenie v sovremennom yaponskom yazyke: materialy k tipologii polipredikativnosti* [Subordination in Modern Japanese: materials to a typology of subordination]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 1993.]

Сердобольская и др. 2012 – Сердобольская Н.В., Ильевская А.А., Минор С.А., Митева П.С., Файнвейц А.В., Матвеева Н.С. Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках // Кузнецова А.И., Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю., Сай С.С., Калинина Е.Ю. (ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 382–476. [Serdobol'skaya N.V., Il'evskaya A.A., Minor S.A., Miteva P.S., Fainveits A.V., Matveeva N.S. Complementation in Finno-Ugric languages. *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody.* Kuznetsova A.I., Serdobol'skaya N.V., Toldova S.Yu., Sai S.S., Kalinina E.Yu. (eds). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2012. Pp. 382–476.]

Серебренников 1963 – Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М.: Издательство АН СССР, 1963. [Serebrennikov B.A. *Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov* [Historical morphology of Permic languages]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1963.]

Словарь марийского языка 1998 – Словарь марийского языка. Т. 4. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1998. [*Mari dictionary*. Vol. 4. Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izd., 1998.]
Современный марийский язык 1961 – Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. [*Modern Mari. Morphology*. Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izd., 1961.]
Тимофеева 1961 – Тимофеева В.Т. Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. [Timofeeva V.T. *Sovremennyi mariiskii yazyk. Sintaksis slozhnogo predlozheniya* [Modern Mari. Syntax of subordination]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izd., 1961.]
Тимофеева 1975 – Тимофеева В.Т. Особенности косвенной речи в марийском языке // Исанбаев Н.И. (ред.). Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола: НИИ при Совете министров МарССР, 1975. С. 95–101. [Timofeeva V.T. Peculiarities of indirect speech in Mari. *Voprosy mariiskogo yazyka*. Isanbaev N.I. (ed.). Ioshkar-Ola: Mari Research Institute for Languages, Literature, and History, 1975. Pp. 95–101.]
Толдова 1999 – Толдова С.Ю. Особенности местоименной референции при передаче чужой речи (между дейксисом и анафорой) // Нариньяни А.С. (ред.). Труды Международного семинара «Диалог'99» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: РосНИИ искусственного интеллекта, 1999. [Toldova S.Yu. Peculiarities of pronoun reference in direct and indirect speech (between deixis and anaphora). *Trudy Mezhdunarodnogo seminara «Dialog'99» po komp'yuternoi lingvistike i ee prilozheniyam*. Moscow: Russian Research Institute of Artifical Intelligence, 1999.]
Ханина 2006 – Ханина О.В. Конструкции с грамматикализованным конвербом глагола речи // Казенин К.И., Лютикова Е.А., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. (ред.). Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2006. С. 126–140. [Khanina O.V. Constructions with the grammaticalized converb of the verb of speech. *Misharskii dialekt tatarskogo yazyka. Ocherki po sintaksisu i semantike*. Kazenin K.I., Lyutikova E.A., Solov'ev V.D., Tatevosov S.G. (eds). Kazan: Magarif, 2006. Pp. 126–140.]
Чхаидзе 1941 – Чхаидзе М.П. Синтаксис лугово-восточного марийского языка. М.: Учпедгиз, 1941. [Chkhaidze M.P. *Sintaksis lugovo-vostochnogo mariiskogo yazyka* [Syntax of Eastern Mari]. Moscow: Uchpedgiz, 1941.]
Aikhenvald 2004 – Aikhenvald A.Yu. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
Aikhenvald 2008 – Aikhenvald A.Yu. Semi-direct speech: Manambu and beyond. *Language sciences*. 2008. Vol. 30. No. 4. Pp. 383–422.
Coulmas 1986 – Coulmas F. Reported speech: Some general issues. *Direct and indirect speech: A functional study*. Coulmas F. (ed.). New York: Mouton de Gruyter, 1986. Pp. 1–28.
Daniel 2007 – Daniel M.A. *Reported illocution: data from several Daghestanian languages. Handout from the Conference on the languages of the Caucasus, Leipzig, 7–9 December 2007.*
Güldemann, von Roncador 2002 – Güldemann T., von Roncador M. (eds). *Reported discourse: A meeting ground for different linguistic domains*. Amsterdam: John Benjamins, 2002.
Harris, Campbell 1995 – Harris A., Campbell L. *Historical syntax in cross-linguistic perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
Heine, Claudi, Hünnemeyer 1991 – Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. *Grammaticalization; a conceptual framework*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
Heine, Kuteva 2002 – Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
Heine, Reh 1984 – Heine B., Reh M. *Grammaticalization and reanalysis in African languages*. Hamburg: Helmut Buske, 1984.
Hopper, Traugott 2003 – Hopper P.J., Traugott E.C. *Grammaticalization*. 2d rev. ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
Klamer 2000 – Klamer M. How report verbs become quote markers and complementizers. *Lingua*. 2000. Vol. 110. Pp. 69–98.
Lehmann 2002 – Lehmann Ch. *Thoughts on grammaticalization*. 2d rev. ed. Erfurt: Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität, 2002.
Li 1986 – Li Ch.N. Direct and indirect speech: a functional study. *Direct and indirect speech: A functional study*. Coulmas F. (ed.). New York: Mouton de Gruyter, 1986. Pp. 29–46.
Lord 1976 – Lord C. Evidence for syntactic reanalysis: from verb to complementizer in Kwa. *Papers from the parasession on diachronic syntax*. Chicago: Chicago linguistic society, 1976. Pp. 179–191.
Noonan 1985 – Noonan M. Complementation. *Language typology and syntactic description*. Shopen T. (ed.). Vol. 2: Complex constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 42–140.

Partee 1973 – Partee B.H. The syntax and semantics of quotation. *A Festschrift for Morris Halle*. Anderson S.R., Kiparsky P. (eds). New York: Holt, Reinhart and Winston, 1973. Pp. 410–418.
Saxena 1995 – Saxena A. Unidirectional grammaticalization: diachronic and cross-linguistic evidence. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 1995. Bd 48. Ss. 350–372.
Serdobolskaya, Toldova 2011 – Serdobolskaya N.V., Toldova S.Yu. Grammaticalization of the verb of speech in Finno-Ugric languages. *Proceedings of the Congressus XI internationalis fenno-ugristarum*. Budapest: Reguly Társaság, 2011.

Сведения об авторах:

Светлана Юрьевна Толдова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
toldova@yandex.ru

Наталья Вадимовна Сердобольская
Российский государственный гуманитарный Университет / Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
serdobolskaya@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.01.2014.

Information about the authors:

Svetlana Yu. Toldova
National research university «Higher school of economics» / Lomonosov Moscow state university
toldova@yandex.ru
Moscow / Russia

Natalia V. Serdobolskaya
Russian state university for the humanities / Sholokhov Moscow state university for the humanities
serdobolskaya@gmail.com
Moscow / Russia